

Книги Владимира Сухина
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА»

**ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА
СТУДЕНТ НА АГЕНТУРНОЙ РАБОТЕ
ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ
РАЗРУШИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАМЫСЛОВ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СУХИНИН

РАЗРУШИТЕЛЬ
БОЖЕСТВЕННЫХ
ЗАМЫСЛОВ

РОМАН

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С91

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1084

Художник
М. Поповский

Сухинин В. А.
С91 Разрушитель божественных замыслов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2551-8

Погибнув в Афганистане, майор Глухов получил вторую жизнь в закрытом секторе магического мира в теле пятнадцатилетнего сына местного барона. Агент галактической службы безопасности завербовал его, вживив экспериментального симбионта. Жизненный опыт майора, возможности симбионта и статус сына барона составили адскую комбинацию, что сделало Глухова уникальной самостоятельной фигурой в смертельной игре местных богов, преступных синдикатов и различных служб безопасности. Своими действиями он нарушает равновесие в этом мире. Боги в гневе, а над миром Сивиллы разгорается пожар войны.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сухинин В. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2551-8

И снова бегу по судьбе, как по кругу,
Одно я создам, другое разрушу.
И так бесконечно одно за другим,
Одними любим я, другими гоним.

Ария изгоя.

Лигирийский императорский театр

ПРОЛОГ

Шесть устаревших бронированных кораблей и один легкий корабль-разведчик слитным движением прошли выделенный коридор и вылетели в открытый космос.

Грехт подцепил магнитными захватами разведчика, и все они, увеличив скорость, покинули систему с торговой станцией. Такие станции всегда строились на границах изученного космоса, в перспективе это себя оправдывало. Оттуда шло расширение заселенных территорий, разведка полезных ископаемых на астероидных полях, и там были льготы, которые привлекали тех, кто не смог добиться в центральных мирах благополучия. А также преступников всех мастей и пиратов. Это была вольница чиновников и авантюристов и просто тех, кому было тесно в обжитом урбанизированном мире. Здесь каждый мог добиться успеха. Нужно было только уметь выжить и приспособиться.

Корабли эскадрильи Грехта совершили несколько переходов и вышли на границу системы, где вращалась вокруг своей звезды Суровая. Сканеры пиратов не могли засечь рейдеры на таком расстоянии. Снизив скорость, корабли стали совершать движение по большому кругу, выключив двигатели. От корабля Грехта отделился разведчик и устремился вглубь системы, которая находилась под контролем пиратов.

— Кэп, у нас снова гости, — доложил дежурный оператор с мостика. — Старый «Миг»¹ валорцев, корабль-разведчик. Какие будут приказания?

— Если есть разведчик, значит, есть и носитель. Вышли зонд для обнаружения и следи за «Мигом».

¹ «Миг» — межсистемный истребитель с гравиприводом. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Понял, кэп, выполняю.

Разведчик пролетел недалеко от корабля-носителя, снимая показания на приборы, и сделал облет планеты. Потом развернулся и демонстративно медленно снова полетел на облет пиратского корабля.

— Да он с нами играет, кэп! — раздался по связи голос оператора. — Гаденыш снимает на датчики нашу телеметрию. Если он уйдет, то те, кто его послал, будут иметь полную картинку о наших возможностях. Ему нельзя дать улететь!

— Отправь звено перехватчиков, и пусть будут осторожны, близко не подлетают. Мы не знаем, что на этот раз приготовили залетные. Видимо, шахтеры наняли наемников. Попробуй с ними связаться, — ответил капитан.

— Грузовой корабль вызывает «Миг», ответьте.

— «Миг» слушает, грузовой корабль. Прием.

— Обозначьте себя и цель вашего присутствия в системе.

— Разведывательный корабль эскадрильи «Драконы». Цель — разведка.

— «Миг», предлагаем покинуть систему, здесь наша сфера влияния.

— Грузовой корабль, предлагаю вам покинуть систему во избежание конфликта.

— Через пять минут, «Миг», вы будете атакованы. Конец связи.

Из недр грузовика вылетели два перехватчика и направились к разведчику. Тот сделал разворот и стал удаляться. Потом круто развернулся и полетел навстречу истребителям. Не долетая на выстрел из носовых автоматов, резко ушел в сторону и исчез с экранов локаторов.

— Осторожно, парни, это может быть ловушка, — предупредил пилотов оператор.

Корабли разошлись в стороны и стали кружиться, пытаясь нащупать сенсорами исчезнувший разведчик.

Бельсон, пилот «Мига», выманив истребители, ушел в сторону грузовика и отключил все системы. Он сидел под защитой только одного скафандра, а корабль, набрав ускорение, двигался по инерции к пирату. Ему нужно было двадцать минут, чтобы подобраться вплотную. А «ищейки» пусть пока ловят его вдаль, там, где он потерялся. Если оператор опытный, он включит емкостной сканер ближнего действия и тогда обнаружит его. Но ему нужно будет время на то, чтобы провести зано-

во идентификацию цели и включить турели ближней защиты. У Бельсона хватит времени запустить «Миг» и скрыться.

Он подобрался к створкам грузового отсека и выпустил десяток магнитных мин, которые сориентировались в пространстве и, получив управляющий сигнал, направились к корпусу корабля.

— Дело сделано, — улыбнулся парнишка, самый молодой среди пилотов «Дракона». Миновав массивную тушу грузовика, он включил все системы и полетел подальше от планеты и корабля пиратов.

— Противник уходит, кэп! — раздался по связи взволнованный голос оператора. — Звено не успеет его перехватить, надо выслать на перехват штурмовики совместно с истребителями.

— Выпускай два звена, Бренс, — приказал капитан судна. — Убейте этого хитреца!

Створки переделанного в док грузового отсека разошлись, и из чрева вылетели два истребителя. Почти вылетели, так как в следующее мгновение раздалась множественные взрывы, уничтожившие истребители и повредившие док.

— Докладывает док. Кэп, у нас потери: створки повреждены, летная палуба на выходе тоже. Погибли четверо техников и два истребителя с пилотами, вылет других невозможен, пока не произведем ремонт. Это часов пять.

— Понял, занимайтесь ремонтом. Экипажу занять места по боевому расписанию!

По всем отсекам корабля разнеслась трель тревоги.

— Внимание боевым постам! Противник! Шесть рейдеров и один легкий истребитель! Приготовиться к отражению атаки. Римс, атакуйте противника на подлете. У них могут быть ракеты, не давайте им возможности вести прицельные пуски.

— Понял вас, база. Иду на перехват, — ответил командир звена истребителей, вылетевшего навстречу разведчику.

— Противоракетная оборона приведена в полную боевую готовность. Отделение РЭБ¹ готово, — последовали команды с боевых постов. Корабль готовился к бою.

— Эскадрилья, слушай боевой приказ, — раздался по общей связи юношеский голос Грехта. От волнения он был на несколько тонов выше, чем обычно. — Заходим тремя звенья-

¹ РЭБ — радиоэлектронная борьба.

ми с трех сторон. Первые пуски ядерных ракет делают ведущие. Через тридцать секунд ведомые выпускают подавители и сразу следом неуправляемые ракеты «Рой». Разворот и новый заход.

— Принято. Принято. Принято.

Маневр был впитан плотью и умом, будучи внедрен с помощью нейросети в мышечную память и мозг. Рейдеры отогнали истребители огнем пушек и исчезли.

— Кэп, они опять исчезли.

— Принято. Зонды на перехват по курсу их движения! Они отключили все системы и не могут маневрировать. Как обнаружишь противника — атака ракетами.

— Понял, кэп.

Экипаж в напряжении ждал сигнала с датчиков разведывательных зондов, готовый атаковать хитроумного противника. Все они в прошлом были военными специалистами, по разным причинам ушедшие со службы и нашедшие применение в пиратстве. Проблем меньше, а добычи больше. Жили по принципу «грабь слабого, убегай от сильного».

В какой-то момент корабли противника проявились, и искины станций наведения взяли их на прицел, вводя поправки.

— Готовность к пуску пять секунд. Отсчет пошел, — доложил механический голос аппаратуры.

Но кораблики, резко ускорившись, рванули вперед.

— Запуск отложен. Произвожу ввод новых данных! — продолжил тот же голос. — Данные введены. Пуск ракет через пять секунд. Запуск отложен. Произвожу ввод новых данных.

Оператор противокорабельного оружия видел на дисплее, как противник резко сбросил скорость и снова исчез с экранов локаторов.

— Противник не обнаружен. — Искин продолжал оповещать команду БЧ¹.

— Выход на рубеж атаки через пять секунд. — Теперь голос Грехта был спокоен, он был в своей стихии.

Рейдеры включили все системы и произвели запуск неуправляемых ракет с тактическими ядерными зарядами. Их цель была — подорваться, не долетая до пиратов, и пустить электронный импульс. У всех кораблей была защита от такого оружия, но Грехту нужно было время, чтобы подобраться на

¹ БЧ — боевая часть.

рубеж уверенного поражения корабля пиратов многочисленными ракетами залпового огня. На корабле включалась защита от поражения электронным импульсом, а это четыре секунды, в течение которых корабль был полностью ослеплен.

— Ракетная атака. Три скоростные цели. Класс неуправляемые ракеты. Расчетный курс мимо.

Оператор противоракетных систем вздохнул с облегчением. От этих старых башмаков неизвестно что можно ожидать. А управляют ими, сразу видно, опытные пилоты, прошедшие не одну кампанию. По-видимому, ветераны, которых не взяли в большие ЧВК¹ из-за возраста. Но они наиболее опасны, жизнью не дорожат, а кровь требует выброса адреналина, как наркотика.

Его мысли прервал строенный взрыв недолетевших ракет. Аппаратура запищала, и искин оповестил об отключении системы и установке защиты от поражения электронным импульсом. Пока включалась защита и аппаратура переходила в защищенный режим работы, прошло восемь секунд. Все-таки это был грузовой, а не военный корабль. Часть систем вышла из строя. Перестал работать элеватор подачи ракет. И пираты могли произвести только один залп.

— Кэп, у нас заклинило элеватор. Нужны техники, — поступил доклад на мостик из оружейного погреба.

— Кэп, дроны, производящие ремонт дока, вышли из строя, требуются новые процессоры.

— Докладывает БЧ-4: у нас заклинило двери и поворотные механизмы турелей, — начали поступать сообщения с разных мест.

— Проклятье! — Капитан был в бешенстве. — Подпустите их на дистанцию стопроцентного поражения и уничтожьте! — приказал он и устало откинулся на спинку кресла. А на мостик продолжали поступать сообщения о множестве мелких поломок. Естественно, весь корабль невозможно закрыть защитой, и это теперь сказывалось на общей боеготовности. — Где они только взяли это старье? — вздохнул капитан.

— Системы РЭБ приведены в полную боевую готовность, — сообщил командный искин корабля. — Цели определены и захвачены, до пуска ракет шестьдесят секунд.

¹ ЧВК — частная военная компания.

Расчеты БЧ быстро приходили в себя и подключали защищенную аппаратуру, готовясь отразить новую атаку и поразить приближающиеся корабли.

— Ну, что вы еще придумаете? — процедил сквозь зубы оператор, и тут прозвучал сигнал тревоги:

— Ракетная атака. Три скоростные цели. Неуправляемые ракеты.

— Они что, опять тактические заряды используют? — удивился он.

— Курс ракет на корабль. Внимание, тревога! Ракетная атака по кораблю.

— Ну с тремя пташками мы справимся, — ухмыльнулся оператор.

— Внимание, тревога! Разделение головных частей ракет, атака боевыми головными частями самонаведения. Восемнадцать целей. Вероятность преодоления противоракетной обороны корабля двадцать процентов. — По кораблю разносился голос главного корабельного искина.

— Все мощности на щит и системы ПРО, — скомандовал капитан, он участвовал в боях и понимал, что это еще не конец его кораблю, они сумеют отбиться от этой атаки, а вот от ответного залпа рейдеры вряд ли смогут уйти.

В этот момент на экранах локаторов появилось более ста целей, летящих к кораблю с разной скоростью. Искин корабля перевел все свои мощности на определение угрозы и перестал реагировать на команды с мостика.

— Кэп, это пустышки, они послали глушилки и обманки, — передал на мостик оператор. — Через пятнадцать секунд искин это поймет, и мы атакуем противника. Отойти он уже не успеет.

— Ракетная атака! Множественные цели. Определению не подлежат, — прозвучал снова сигнал и голос искина корабля. Искин взял на себя управление системами ПРО и стал отстреливать приближающийся вал огня. Но он уничтожил пустышки, а «Рой» стремительно приближался к кораблю пиратов.

— Зафиксированы попадания ракет, — продолжал бездушный голос искина.

— Зафиксировано падение энергии щита. Зафиксированы множественные пробоины корпуса. Внимание! Угроза разгерметизации отсека два дробь четыре секции склада ракет. Всем покинуть отсек. Внимание, угроза разгерметизации отсека два

дробь четыре секции склада ракет. Всем покинуть отсек, — дважды повторил механический звенящий голос искина. Он бил по барабанным перепонкам, нагоняя ужас в сердца пиратов.

Впервые они столкнулись с организованным отпором и понесли потери. Управление кораблем было нарушено. В чрезвычайных ситуациях главный искин корабля полностью брал на себя управление, так как время реакции на изменение обстановки у человека было гораздо дольше, чем у искусственного интеллекта.

Но и он не может избежать ошибок. Все свои усилия он сосредоточил на обеспечении живучести корабля и отражении атаки ракет противника.

Грехт видел, что корабль пиратов перешел к обороне.

— Перезарядка барабанов на «Рой», огонь по готовности, — приказал он.

Механизм подачи ракет с гулом провернулся, и ракеты встали на боевой пуск.

— Залп, — мысленно дал он команду искину, и двадцать четыре ракеты, вытолкнутые электромагнитными катапультами, устремились к содрогающемуся корпусу корабля пиратов.

Противоракетная оборона не справлялась с несколькими залпами небольших, но шустрых ракет. А вскоре к ним добавились ракеты подавления и ослепления электронных систем, и на пару секунд корабль «ослеп», этого хватило тридцати ракетам прорваться сквозь заслон и обрушить свой слитный вал огня на корпус пирата.

Канонир Греничек, управляя турелью плазменной пушки, яростно встречал подлетающие ракеты и накрывал их широкой полосой огня плазмы. Но ракеты все равно прорывались, вгрызались в корпус корабля, покрытый самодельно установленной броней. Одна из них прошла под турелью, пробила корпус и, врезавшись в переборку под его ногами, взорвалась. Башню оторвало и закрутило в космосе.

— Противоракетные системы уничтожены на пятьдесят три процента, — доложил бесстрашный голос корабельного искина. — Корабль имеет множественные пробоины, живучесть корабля снижена на тридцать шесть процентов.

Команда артиллерийского погреба, где хранились запасы ракет, из последних сил сражалась с аварией, обеспечивая защитный энергетический купол, воздух и гравитация давно покину-

ли склад, энергия бралась из резервного источника. В стенках склада были вмятины и пробоины. Но погреб пока держался, держался из последних сил. Техники и дроны почти наладили элеватор, и можно будет скоро подавать ракеты в шахты. Связь отсутствовала, и, что происходит на корабле, они ощущали по взрывам, сотрясающим корпус.

Ди каптер¹ с облегчением закончил наладку элеватора и пустил прогонный тест. Это последнее, что он успел сделать. Несколько ракет, проломив стенки ракетного хранилища, врезались в ракеты, приготовленные к подаче, и всех, кто там находился, накрыло море огня.

Грехт увидел, как корабль пиратов вспучился изнутри, и скомандовал смену курса. Рейдеры отвернули и устремились прочь, а за их спинами вспыхнуло ослепительное солнце, похоронив корабль и пиратов вместе с ним.

¹ Корабельный старшина.

ГЛАВА 1

Граница освоенного космоса. Торговая станция Конфедерации Шлозвенг

Бад Моргинари был человеком простым, но решительным, он давно понял секрет преуспевания на границе освоенного космоса. Деньги и страх — вот две составляющие успеха. Чтобы заработать много кредитов, хороши все средства, и он заставил других бояться себя и уважать. Он вымогал кредиты у всех, до кого мог дотянуться, вскрывал чужие счета и снимал с них все до последнего кредита, давал в долг под огромные проценты и выбивал долги с помощью неприкрытого оголтелого рэкета. Он богател любым способом и делал это с постоянством на грани одержимости.

Все проблемы, возникающие с законом, он также решал двумя путями: подкупал чиновников или убивал их. Убивал так, чтобы другие поняли, что он вроде бы ни при чем и его причастность не доказать, но вместе с тем его обязательно бы связали со смертью несчастного. Граница привлекала не только авантюристов, но и ушедших в отставку военных, чиновников, желающих разбогатеть на взятках, и продажных судей. Это был рай для таких, как Моргинари.

Бад смотрел на стоящего на коленях и избитого помощника.

— Окуроч, раз ты не можешь дать мне ответ на мой вопрос, то найди для меня деньги. Убивай, продавай, воруй, но верни мне два миллиона и найди тех, кто их украл.

Он заставил садиста самого испытать то, что Окуроч делал с другими. Его били и мучили два дня, несколько раз водили на расстрел и почти довели до сумасшествия. За это время гений-программист так и не пришел в себя, он сидел в камере на полу и постоянно повторял: «Два кольца, два конца, посередине гвоздик», — и начинал хохотать.

— Я все сделаю, шеф. — Окурок на коленях подполз к Бад и стал целовать его ботинки.

Бад Моргинари был человеком тщеславным, и такое проявление покорности ему понравилось.

— Ты знаешь, с кем работал Крист, когда сошел с ума? — спросил босс, с удовольствием рассматривая ботинки, вычищенные губами Патерсона.

— Знаю, шеф, с Новоросским княжеством. — Окурок преданно смотрел на Моргинари.

— Займись ими, срок тебе трик, потом пеняй на себя, — смилостивился Бад и оттолкнул ногой прилипшего помощника.

— Шеф, я все сделаю, вы не сомневайтесь, — отползая и не вставая с колен, повторял Окурок.

Бран, весело напевая популярную мелодию, просматривал предложения купить-продать, бегущие по экрану.

Гаринда занималась своими делами, она вся ушла в женское дворянское собрание, готовя из подруг новых благородных дам.

«Чтобы не было стыдно перед его милостью», — закатывая глаза от важности порученного ей дела, говорила его жена.

Бран только посмеивался, наблюдая за тем, как прилежно изучали дворянский кодекс и устав благородного сословия подданные княжества.

Дверь в контору отворилась, и в помещение вошли пятеро мужчин. Они молча разошлись по комнате и встали. Следом вошел господин Патерсон.

Кто такой Патерсон, Бран хорошо знал и поэтому сразу напрягся. Он мысленно проверил свою память, где он или его жена могли пересечься с «Посреднической конторой Бада», и, не найдя ничего, что могло бы их связывать, успокоился.

— Господин Патерсон, чему обязаны вашим визитом? — вежливо поинтересовался Бран. Но ответа не дождался.

Патерсон подошел к нему и с ходу залепил брокеру и по совместительству послу Новоросского княжества прямо кулаком в лицо. Бран, не ожидавший такого поворота событий, просто слетел с кресла и, ухватившись за сломанный нос, завыл, ползая по полу.

— Как вы смеете! — вскочила со своего места разъяренная Гаринда, она готова была вцепиться в глаза обидчику мужа.

Окурок, пнув ногой Швырника, обернулся и, облизнувшись, подошел к молодой женщине.

— Как я смею, милашка? — переспросил он и одновременно с этим ударил ее кулаком в живот.

Гаринда, задохнувшись, согнулась. Патерсон схватил ее за волосы и поднял голову жены Брана, на глазах которой выступили слезы.

— Смею, милашка, потому что могу. — Он развернул ее к себе спиной и толкнул на стол, задрал короткую юбку и похлопал по заду. — Хорошая попка! — оскалился он в улыбке и, достав из рта окурок, притушил ее о ягодицу Гаринды.

Женщина закричала и дернулась, но ладонь бандита резко и сильно припечатала ее голову к столу, превратив крик в стон и хрипы.

Бран вскочил и, не обращая внимания на кровь, хлеставшую из носа, сжав кулаки, бросился на Патерсона. Но двое мужчин, без дела стоявшие до этого у стен, перехватили его, скрутили руки и стали держать.

Окурок достал нож, разрезал резинку трусиков и просто сорвал их с пребывающей в шоке Гаринды. Он вошел в нее резко и с болью. Женщина вскрикнула и забилась под ним. Почувствовав, что та стала дергаться, стараясь вырваться, сильнее придал ее голову к столу, и женщина, захлебываясь кровью и почти теряя сознание от боли, сдалась.

Бран, подвывая от бессилия, закрыл глаза.

— Видишь, Швырник, как опасно воровать чужие деньги, — закончив свое дело и застегивая штаны, сказал довольный Окурок.

— Я у тебя ничего не воровал, сволочь, — прохрипел Бран. — Это какая-то ошибка. Ты еще за это заплатишься. Его милость не прощает обид.

— Вот о нем давай и поговорим, Бран, — засмеялся Окурок. Он не боялся угроз, сколько этих придурков угрожали ему и где они? Их нет, а он есть и имеет власть над дурнями, которые надеются на закон.

— Княжество должно нашей конторе пять миллионов. Свяжись со своим боссом и передай ему: я жду десять минут, потом снова порадую твою крошку и продам вас пиратам. А перед этим ты мне дашь список всех подданных вашего дурацкого княжества. Я продам пиратам всех и возьму ущерб.

— У меня нет пяти миллионов, но я готов отдать пятьдесят тысяч кредитов, все, что у нас есть, — прохрипел Бран, согнутый сильными руками боевиков Патерсона, не дающих ему выпрямиться.

— Этого мало, Швырник, соединяйся с боссом. Я жду.

Брана подвели к компу, и он дрожащими руками набрал вызов. Через несколько секунд появился Брык и, рассматривая Брана, спросил:

— У тебя проблемы, дружище?

Но вместо избитого Брана на экране возник Окурок.

— Послушай, морда, передай боссу, что, если через десять минут он не переведет Брану пять миллионов кредитов, он может распрощаться со своими подданными. Время пошло. — И он затушил сигарету о затылок Брана.

Тот заорал и попытался ударить бандита. Но его перехватили и снова скрутили.

Брык покивал в знак того, что понял, и ответил:

— Мой босс на войне, и когда будет, неизвестно, но твои слова, самоубийца, я передам, как только он появится. Держись, Бран, сейчас я ничем помочь не могу. — И Брык исчез с экрана.

— Ну, нет так нет, — снова оскалился в улыбке Патерсон. — Ребята, эта дамочка ваша...

Но договорить он не успел, сидевшая до этого безучастно, с потухшим взором женщина вскочила и неожиданно стремительно бросилась на Окурка.

Вцепилась ему пальцами в лицо и ухватила зубами за нос. Она повисла на нем рыча. Откусила кончик и выплюнула его в глаза бандита. Тот, не ожидавший такого порыва от униженной и раздавленной событиями женщины, сам заорал, схватившись руками за рану. Подоспевшие напарники оторвали Гаринду от Окурка, бросили на пол и стали избивать ногами. Бран вырвался и, выхватив из стола кинжал чести, яростно обрушился на бандитов, прежде чем они сумели применить шокер, он заколол троих. Окурок, немного пришедший в себя, отыскал откушенный кусок своего носа, гнусавя приказал:

— Вызывайте подкрепление, берите этих сумасшедших с собой и скачайте списки всех новороссийских. Ты, сука, еще пожалеешь! — Он яростно пнул бесчувственно лежащую женщину и быстро вышел.

Верхний слой Инферно

— Мать, ты вернулась! — Громкий, удивленно-восторженный вопль разорвал тишину подземелья.

— Сенгуры, возрадуйтесь! Наша Мать вернулась! — Рован расставил все свои четыре руки, подхватил Листи и закружил ее. Его голос в подземных казематах разрушенного города звучал как громовые раскаты. Катился по переходам и достигал самых отдаленных уголков.

Радостная Листи, будучи почти не видна за огромной тушей верховного вождя сенгуров, сияла от удовольствия и покорно позволяла себя обнимать. Старый преданный друг, четверорукый Рован, все так же склонный к драматическим оборотам речи и высокопарным словам. И такой же непосредственный в проявлении чувств, как ребенок. У нее немного защемило сердце от воспоминаний прошлой жизни, о хумане, который появился в ее жизни, как звездочка, упавшая с неба, и так же быстро исчез. Наверное, не простил ее за то, что она приняла предложения князя. Но она не могла поступить по-другому.

Цу Кенброк дал ей выбор. Или она станет его женой, или хуман, который по своей природе мог быть и демоном, будет убит. Ей пришлось сделать этот нелегкий выбор. Он разрывал ее душу на части. Ее сердце кричало, что так нельзя! Чувства рыдали и приносили страдания.

А ум говорил другое: так надо для них обоих. Надо рвать прямо сейчас. У нее появилась достойная партия, и появилось будущее. Будущее не только для нее, но и для сенгуров. Алеш был ей дорог и близок. Но она понимала, что он, совершив свои дела, покинет ее. Покинет навсегда и забудет, оставив ее одну, наедине со своей тоской, с муками от расставания с любимым.

От хумана она не получила желаемого. Она так ждала ребенка, так старалась оставить частичку его рядом с собой после того, как он исчезнет из ее жизни, но не смогла забеременеть, а он не выполнил свое обещание, которое дал ей. Почему? Она только догадывалась. Грапп был весь поглощен своей целью, и для него Листи была способом ее достижения. Может, поэтому он не торопился с ребенком. А потом стало поздно. Кроме того, она не чувствовала с его стороны тех самых чувств, что испытывала она сама к нему: нежность, желание уберечь от беды, радость и блаженство от близости. Да, он был внимателен, старался быть нежным, но никогда не называл ее «любимая».

Ее сердце защемило. Зато теперь она носит под сердцем ребенка князя, и он будет будущим правителем домена.

Листи, чтобы дальше не рвать себя, мотнула головой, отгоняя прочь нечаянно возникшие мысли. Хватит думать об одном и том же, у нее тоже есть цель.

Ее окружили сенгуры, те, кто знал ее, и те, кто только был слышан о ней. Толпа сенгуров прибывала и прибывала, и по примеру тех, кто пришел раньше, они становились на колени. Рядом с ней стоял Рован и гордо смотрел на своих соплеменников, обнимая одной рукой маленькую по сравнению с ним Мать всех сенгуров.

— Мать вернулась, сенгуры! Возрадуйтесь! — продолжал греметь его голос.

— Значит, вы все-таки дошли до нижнего слоя, — задумчиво проговорил Рован, выслушав ее рассказ. — Жаль, что князь прогнал надзирающего. Где он теперь? У нас не появлялся. Если сгинул, то жалко. Он подарил нам надежду и подарил нам тебя. — Здоровяк нежно и осторожно приобнял женщину.

Листи была ему благодарна за его поддержку и понимание. Судьба подняла ее над народом, но она все равно оставалась женщиной, которой нужна опора и крепкое плечо друга рядом. Рован был таким.

— Двести сенгуров в древней броне — это много, — продолжил вождь.

— Крысаны не сдаются, мы атакуем и уничтожаем гнезда, но их все равно еще очень много, и крысолюды быстро плодятся. Боюсь, мы так останемся беззащитными.

— Не беспокойся, я возьму не только мужчин, но и женщин. Мы все умеем сражаться. У тебя будет достаточно сил для обороны и активных действий. Кроме того, у тебя есть эти големы — демоны пришельцев, что привел с собой Алеш. — Она похлопала его по руке. — Ты справишься, Рован. А потом, как только я подготовлю место, сенгуры переселятся в домен Цу Кенброка.

Рован непонимающе уставился на Мать.

— Переселимся? — переспросил он. — Зачем?

— А что здесь, на разрушенном слое ждет сенгуров? — подняла голову Листи и посмотрела в глаза гиганта снизу вверх. — Жизнь, подобно крысанам, в старых подвалах. Они и враги, они и пища. О каком возрождении тут может идти речь? — Она вздохнула. — Внизу крысаны, наверху мутанты, звери и реплоды. Рован, это бесконечная война на выживание. Я хочу,

чтобы ты понял: нам надо уходить отсюда. — Она положила руку ему на колено. — Сенгурам нужна новая родина, Рован, и я ее нашла.

Скрав

Когда они, взявшись за руки, вышли прямо из скалы, посмотреть на это чудо собрались все бойцы, даже часовые оставили свой пост, но ди листер, сам пребывая в великом удивлении, промолчал о вопиющем нарушении боевого устава.

То, что они видели, не было фокусом, они стали свидетелями проявления чуда или магии, о которой они слышали, но воочию увидели только сейчас.

Бойцы, в том числе и ротный, с открытым ртом смотрели на переодетого агента, девочку и прекрасную незнакомку в синем запыленном балахоне.

— Ну ты, Демон, даешь! — присвистнул ротный. — Если бы сам не видел, никогда бы не поверил, что такое возможно без всяких фокусов.

Прокс не стал отвечать на восторженные возгласы, прошел мимо ближайших десантников и подошел к костру, где вся троица спокойно уселась. Рядом примостился ди листер Мерц Кури, разогнав пред этим своих бойцов.

Прокс понимал, что десантники впервые столкнулись с магическим миром и, скорее всего, до входа в систему, по установившейся практике в ССО, им не говорили о задании. Предполагалось, что космодесант должен был готов выполнять задания в любой обстановке и в любой части галактики.

Когда волнение среди десантников, вызванное появлением троих людей из стены, немного поутихло, а ротный, усевшись, перестал ерзать, Прокс попросил:

— Расскажи, что произошло? Где эскадра и почему вы здесь?

— Что произошло, я не знаю, — помрачнел космодесантник. — Мы вошли в сектор, эскадра без происшествий вышла в назначенный район. Десант был уже в ботах для выхода в космос, и мы должны были отработать на поверхности. Захватить базу и пленных. Но неожиданно раздался сигнал тревоги, и последовал приказ покинуть корабль. Все системы крейсера начали выходить из строя. Мы были уже снаружи, когда корабли удалились и взорвались. Не спасся никто. Потом нас атаковали штурмовики. Рота «Альфа» осталась нас прикры-

вать и, скорее всего, погибла. Командир нашей роты погиб тоже. Из роты уцелело чуть больше половины. Мы осуществили спуск на поверхность на антигравах. Вот сидим здесь, не зная, что делать, отправили аварийный сигнал и ждем помощи. — Он с какой-то страстной надеждой посмотрел на Прокса. — Ты прибыл за нами?

— Нет. У меня также случились проблемы, и я выбирался из западни, — не стал скрывать истинное положение дел Алеш. Он знал, что с этими ребятами нужно вести дела по-честному. Они должны знать правду без прикрас, какой бы она ни была страшной — без надежды на возвращение или ведущая к смертельному исходу. — Поверишь, я здесь случайно. — Он безрадостно усмехнулся. — Выбирался из ловушки, куда попал из-за предательства одного демона.

Ди листер понимающе покивал головой.

— Значит, распоряжений на наш счет у тебя нет. — Он не спрашивал, он говорил как о свершившемся факте. Лицо его помрачнело, будто туча нашла и скрыла родившуюся было надежду, как лучик солнца сверкнувший и угасший в его душе. — Чем помочь сможешь? — спросил он. Подумав, продолжил: — Может, наоборот, тебе нужна наша помощь? Правда, у нас оружие и техника постепенно выходит из строя. Не знаю, что делать, — сокрушенно высказал он свое недоумение, — ремонтируем-ремонтируем, а оно все равно перестает работать.

Аврелия с любопытством рассматривала тактическую плазменную пушку, солдаты называли ее просто — плазмобой, лежащую на земле между ней и ди листером.

— На вас всех остаточное действие «волны хаоса», — сказала она. — Это заклинание применили демонессы повелительницы хаоса. Потому ваши повозки разрушились. — Она потрогала пальчиком неизвестное ей оружие. — Если применить заклинание «развеять», то оно портиться перестанет.

Мерц Кури бросил быстрый взгляд на девочку с белой кожей и остренькими ушками. Метаморф, наверное, как и агент, подумал он, но вслух только спросил:

— Ты сможешь это сделать?

— Я не могу, но Крома или Алеш могут, — с сожалением вздохнула Аврелия. — Меня не учили магии, только читать и писать, ну, еще немного знаю торговлю.

Она была трогательно серьезна, и Прокс осторожно, чтобы не оцарапать пластинами брони, обнял ее.

— Кроме научит тебя магическому искусству, — сказал он и поцеловал в лобик.

Кроме очень решительно встала. Несмотря на небольшой рост и изящное телосложение, из-за которых она казалась хрупкой и почти воздушной, дриада обладала твердым характером и хозяйской рачительностью. Алеш давно заметил в ней эту черту, делающую девушку расчетливой и прагматичной в том, что касалось быта и выживания. Он улыбнулся, вспомнив, что еще чуть больше трика назад она хотела его съесть. Он любовался ею и осознавал — она просто идеальное дополнение к нему. Словно недостающая половинка, сделавшая его наконец цельным и до конца сформировавшимся.

— Несите сюда ваше оружие и все, что имеет следы хаоса! — строго приказала она, и мужчины вдвое больше ее, прошедшие войны и побывавшие во множестве передраг, не посмели ослушаться. Они робко по одному подходили и нерешительно стояли перед ней. А девушка, сделав пасс рукой, давала отмашку:

— Готово. Следующий.

Через полтрика оружие, снаряжение и дроны были очищены от остатков хаоса, в них включился режим автовосстановления систем.

Мерц Кури подсел к агенту АДа. Он отдавал себе отчет в том, что ребята из административного дознания всегда действовали автономно и опыт в таких делах у них был гораздо больше, чем у простого десантника, вся деятельность которого регламентирована уставами и приказами. Правило — выполни приказ или умри — впиталось в их плоть и кровь, но дело в том, что он не получал дальнейших приказов. Что надо делать дальше? Последний приказ командира сесть на планету он выполнил. Но какие задачи нужно решать дальше? Он не знал.

— Специальный агент, — обратился он к Проксу.

— Мерц, зови меня Алеш или Грапп. Не надо вопросов, я понимаю твои трудности. Ты и твои ребята переходите в мое распоряжение. Задача остается прежней. Уничтожение базы контрабандистов и захват пленных. Для осуществления этой операции вам необходимо подготовиться. — Он на мгновение задумался. — Поэтому слушай, ди листер, приказ: оставаться на месте, ждать моего возвращения. Я скину вам базу знаний о ведении боевых действий в местных условиях. Будете готовиться. В поддержку оставляю Крому и девочку. Беречь их так,

чтобы волос не упал с их головы. Это будет вашим магическим прикрытием. Я отправляюсь за амулетами для бойцов, без них идти к базе бесполезно, погибнете. И доложу в АД о том, что произошло. Это можно сделать только с верхнего или нижнего слоя. Хотя, честно тебе скажу, Мерц, твои бойцы ничего не смогут сделать в этой войне. Здесь нужен небольшой отряд спецназа. Мне еще предстоит подумать, как поступить, вы же пока готовьтесь и к такому варианту, как возвращение.

Он задумался о предстоящем пути. Куда надо двигаться, он не знал, но что-то внутри его давало подсказку: идти надо на север, и идти одному.

— Обратно буду дней через пятнадцать. — Алешу было тяжело и страшно оставлять Аврелию и Крому, но по-другому было нельзя. Он должен идти один и действовать быстро, не связанный заботой об их безопасности. Кроме того, оставить близких здесь под прикрытием бойцов спецназа было безопаснее, чем одних в Брисвиле, как он планировал раньше.

Крома внимательно прислушивалась к тому, что он говорит, и в подтверждение правильности его выбора согласно кивнула.

— Иди один и не беспокойся о нас. — Она почувствовала его тревогу, ощутила ее в его напряженной позе, спрятанных от других интонациях в голосе, но хорошо различимой ею. — Но попробуй только вернуться к своей Листи, — неожиданно для Алеша добавила она с угрозой.

Аврелия засмеялась, увидев растерянность на лице Прокса.

— Алеш, ты часто вспоминал эту Листи во сне, а бабушка... — Она осеклась. — А Крома даже хотела тебя треснуть камнем по лбу, когда ты вспоминал ее, но я не давала.

Мерц Кури, увидев остолбеневшего агента, имевшего вид нашкотившего первоклассника, еле сдерживая улыбку, отвел глаза.

— Я понял тебя, Грапп. Иди, мы позаботимся о девочках. Вернись со славой, а мы не посраим.

Брисвиль

На порталную площадку вывалились двое. Оба в крови, один поддерживал другого, и тот другой был без сознания.

— Покиньте площадку и зарегистрируйтесь, — обратилась к ним абсолютно бесстрастно девушка-регистратор. Ее не волновал вид путешественников и их состояние, такое случалось

часто, когда на них перед отправкой с другого конца совершали нападение разбойничьи банды.

С трудом стащив товарища с порталной площадки, тот, кто был на ногах, достал фиал с эликсиром и влил ему в рот. После этого они подошли к столу регистратора.

— Кто вы и откуда, рены? — равнодушно оглядывая прибывших, задала вопрос девушка.

— Я рен Шторнис, алхимик из Лигирии, а это мой компаньон рен Брондарик. Мы оба из Лигирийской империи.

— Впервые у нас? — Тон девушки не изменился и оставался таким же вежливо-равнодушным. Она делала свою работу, и ей нужно было продать путеводитель.

— Да, рена, мы хотели обосноваться здесь, но случилась беда...

— Мне неинтересны ваши истории, рены. Приобретите путеводитель, он вам поможет, и отойдите от стойки. За вами уже очередь.

Тот, кто представился Шторнисом, выложил медяк и забрал буклет — простой, напечатанный на дешевой бумаге. Подхватил напарника под руку, и они заковыляли к выходу с площади. Видно было, что ему тяжело, он, отдуваясь и морщась, не бросая товарища, тащил его, поддерживая под руку. Так, шатаясь, выписывая петли, они миновали ворота и вышли в город, заступили дорогу двум оркам, и те легко, словно это были пушинки, а не пара упитанных людей, оттолкнули их со своего пути.

Оба упали на мостовую, болезненно застонали и подползли к стене, огородившей порталную площадь. Они с негромкими жалобными всхлипами примостились рядом с нищим.

— Что, в беду попали? — спросил тот, тон его был участливый, а взгляд, которым нищий смотрел на бедняг, выражал понимание проблем таких же несчастных, как и он.

— На нас напали у портала. Стража графа Ро Шлага, мы раньше работали на него, но потом нам надоело, что всю прибыль забирал он. Мы решили втайне его покинуть и обосноваться здесь, в Брисвиле. Скопили денег. Бросили мастерскую. Но он каким-то образом узнал, и его воины поджидали нас у городского портала. Забрали все. Избили, а моему другу сломали руку. Теперь вот у нас нет ни денег, ни будущего.

Закончив свой краткий рассказ, говоривший заплакал. Его товарищ, баюкая сломанную руку, успокаивал того:

— Не надо так убиваться, Шторнис. Мы живы, а это главное. Работу найдем, пойдем помощниками к алхимикам, хотя бы за еду.

Проходящий демон поглядел на бедолагу и кинул им пять дил. Шторнис удивленно посмотрел на деньги.

— Это что? — спросил он.

— Это милостыня, — засмеялся нищий и забрал монету. — Посидите тут со мной, а вечером я отведу вас к хозяйке. Думаю, она сможет вам помочь.

Ставка

За рекой расположилось два лагеря. Один был из сторонников Худжгарха, которые стекались сюда со всей степи и из всех племен. В основном это были опытные воины и ветераны со своими старшими сыновьями. Там постоянно шли проповеди свидетелей, и в глазах этих проповедников пылал огонь фанатизма.

Они готовы были умереть за своего кумира и пойти за ним хоть в огонь, хоть в воду. Но Худжгарх исчез и никуда их не вел. Зато от его имени говорили пророки, и часто то, что говорил один, не согласовывалось с тем, что говорили другие свидетели.

Одни призывали в священный поход на отступников, на тех, кто не принял посланника Отца, и приводили в качестве доводов, что в сказаниях говорилось: «Пойдет брат на брата, и будет пролито много крови». Значит, надо идти и пустить кровь тем, кто не верит в пришествие духа мщения. Другие убеждали проливать не кровь всех своих соплеменников, которые не верят, а наказать племена, которые приветили врагов народа орков. Между ними постоянно происходили стычки и потасовки. Пока не появилась группа из десяти орков, которые жестоко и быстро навели порядок среди паствы и сказали, что надо ждать знамения и тогда, уже точно поняв волю Отца, идти в священный поход.

В другом лагере собрались вожди и шаманы, напуганные появлением нового центра силы, и их сторонники.

— Тяжелые времена пришли в степь, братья. — Перед собравшимися выступал старый шаман. — Умы соплеменников захвачены обманом и верой в ложного бога. Я не оспариваю существование «нового явления», но кто мне скажет или приведет доказательства, что это посланник Отца? То, что он орет

«Худжгарх!», не говорит о том, что он им является. Может, это демон или химера, созданная лукавыми человеками. У люда нет совести и правды, — продолжал он, — все их уста хранят ложь, а сердца полны предательства. Поэтому мы ходим походом на забывших своего Творца и отринувших память об Отце. Как наказание им. Мы всегда знали, кто виновен больше, и шли набегом на них. Поэтому я спрашиваю вас, — он оглядел орков, — на кого идти походом? Кто более виновен в забвении Создателя?

Орки молчали, обдумывая его слова.

— А я вам скажу, — продолжил шаман. — Вангорцы. Они принесли зло на нашу землю, они посадили хумана по левую руку от великого хана. Это позор. Позор всем нам.

Он замолчал и уселся на свое место. В шатре раздались выкрики:

— Правильно говоришь, уважаемый Ра Курдун! Все верно мыслишь! Позор для нас!

— Подождите кричать, — остановил разгоряченных орков мураза племени трох. — Мы должны не только определиться с походом, но и выбрать нового великого хана.

Все тут же замолчали.

— Кого ты предлагаешь, мураза Дуст Кыр? — спросил его шаман, что выступал перед ним.

— Я предлагаю себя, — гордо выпрямился вождь.

— Не надо нам выскочек! — выкрикнул мураза племени муйага, его поддержали шаман и вождь техколо. В шатре снова начались гвалт и ругань, перешедшие в кулачную потасовку.

Наконец старому шаману удалось навести порядок, разозленные муразы уселись на свои места, волками поглядывая друг на друга.

— Предлагаю не спорить, а выбрать того, кто устроит всех. Это может быть тот, кто будет слушать Совет вождей и исполнять его волю, — вкрадчиво подошел он к главному и внимательно оглядел притихших орков.

Все понимали, что такая фигура могла бы устроить всех. Но кто им может быть?

Выдержав паузу, шаман произнес имя:

— Им может стать Барама Обака.

Я занимался бесполезным для себя делом — планировал свои ближайшие действия на сегодняшний вечер и, может

быть, на завтра. При этом хорошо понимал, как зыбки мои надежды осуществить их.

Как обычно, все мои планы накрывались медным тазом, приходилось действовать экспромтом и уповать на многослойное сознание, подсказывающее мне, как действовать в ту или иную минуту. У такого метода решения проблем был один существенный недостаток, и заключался он в том, что при этом возникали новые проблемы, вот как сейчас. И я сидел, напрягая мозги, пытаюсь решить то, от чего вообще-то надо было бежать. Например, от напористой Ленеи. Добавлять еще одну розочку в тот цветник, что стихийно разросся вокруг меня, мне не просто не хотелось, мне было страшно. Как сказали бы у нас на Земле: среди роз один барбос.

Что такое ревность женщины, я знал не понаслышке, это страшнее ураганов, цунами и землетрясений, вместе взятых. Как заметил мудрый царь Соломон, имевший неосторожность стать многоженцем, «горше всего женщина». Мне об этом говорила бабушка, и вроде бы этот несчастный имел больше ста жен. Раньше я ему втайне завидовал, теперь понимаю, какие это проблемы. Одна жена — это одна проблема, а сто жен — это сто проблем.

А уж пылающая ревностью женщина это... у-у-у! А если их несколько, и все ревнивые, как Вирона? Тут вообще не о чем говорить, только спастись.

Я был еще очень молод (телом), несовершеннолетний, и обременять себя обязательствами, как это случилось в прошлой моей жизни, не было никакого желания. Все девушки, которые теперь входили в мое окружение, были старше меня на два, а то и пять годков. Просто я стал выглядеть за этот год старше своего возраста, на лице появилась черная щетина, все чаще я хмурил брови и смотрел сурово. Да и испытания, что выпали мне, наложили свой отпечаток. Я чувствовал нечто звериное, проснувшееся во мне, оно заставляло настороженно смотреть на окружающий мир. Как будто тигр, вышедший на охоту, увидевший добычу и соперника, затаившегося перед прыжком. Но в то же время я чувствовал одиночество. При множестве людей и нелюдей, окружавших меня, я оставался один, плотно закрывшись в кокон тайны своего происхождения.

С кем я действительно мог быть полностью откровенным, так это с Шизой. Но и она часто не понимала логики моих по-

ступков, пытаюсь разобраться в загадочной русской душе и вычислить алгоритм моего поведения. А когда я разрывал шаблоны и поступал в ее понимании как сумасшедший, она надолго замыкалась в себе. Как это было после спасения от жертвоприношения богине.

А я не мог ей объяснить, что логики-то и нет вовсе, а есть простое понимание, необходимая потребность поступить так, а не иначе, позыв души, что надо так, и никак по-другому. Я поступаю не по расчету или полезности, а по зову широкой русской души, или большого сердца, если хотите. В этом и кроется вся отгадка русского характера. Он может наплевать и пройти мимо, а может отдать жизнь за незнакомого ему человека. И какая тут логика? Ее просто нет.

Мои мысли перескочили на хитроумного хана, который вытащил меня на поверхность, на всеобщее обозрение: вот полюбуйтесь, хуман сидит слева от меня. Этот клыкастый интриган перевел внимание всех — и посольских, и эльфаров из леса, и орков-противников — на мою персону, сам остался в тени. Теперь он может плести свои сети тихо и незаметно, а я стал громоотводом. Вот и планируй тут. Кто бы мог предположить, что он, увидев меня слева, так быстро просчитает ситуацию и воспользуется ею. Я вздохнул, так как мысли скакали, как зайцы, с одного на другое, не желая остановиться.

Опять же небесная невеста, пожелавшая пойти откупом. Ей-то что нужно от бледной пиявки в моем лице?

Мысли, сделав круг, вернулись к своему началу.

У меня была, конечно, идея свести их с сыном правой руки, осталось только найти его, познакомиться и направить парня на путь истинный. Тебя спасли — женись. И не к месту вспомнил Люськину мать. «Испортил девку — женись», — сказала она мне.

Мои думки были прерваны шумом. У входа в шатер кто-то здорово ругался, угрожал и пытался пробиться ко мне, но стража — молодцы, стояли как скала. Об их твердость разбивались волны крика и угроз убить всех к Худжгарху. Не помогли даже намеки пойти и пожаловаться отцу.

— Что там за отец такой, — хмыкнул я, — первый секретарь горкома, что ли? — И полез из шатра посмотреть на дебошира.

Перед воинами, стоящими с невозмутимостью египетского сфинкса, прыгал и махал руками молодой орк, может быть, немного постарше, чем я.

Увидев меня, с любопытством его рассматривающего, вернее увидев мою голову, он, брызжа слюной, заорал:

— Выходи на поединок, жалкий хуман!

— Я не жалкий, — ответил я, подумал и добавил: — Просто я поближе к людям, чем остальные. Добился большего, чем другие, вот мне и завидуют. Ты не верь клеветникам.

Я говорил рассудительно и вдумчиво, но на самом деле даже не думал, о чем говорю. Больше слов, больше тумана, меньше смысла. Слова сами перли из меня, вынося заодно мусор раздражения и неудовлетворенности самим собой.

— Поэтому моя простота и любовь к простому народу таким папенькиным сынкам, как ты, кажется недостижимой в своем величии и принимается ошибочно за слабость. Но обычно за оскорбление я даю в морду. Не убиваю. А с глубоким пониманием несовершенства природы разумных даю возможность глупому стать умнее. Так сказать, преподаю жизненно важный урок для достижения понимания истины. — Произнеся этот спич и налюбовавшись на выражение морды паренька, который, пытаясь уразуметь сказанное, свел глаза к переносице и так застыл столбом, спросил его: — Ты кто?

— Я Тржын Карам, сын Быр Карама, — проморгавшись и отойдя от впечатления, произведенного моим неожиданным красноречием, ответил орк и гордо, с важностью подбоченился.

Я смотрел на парня и находил в нем схожесть с отцом, но пока только внешне. Хотелось бы, чтобы он унаследовал от отца его ум. Иначе мой план не сработает и придется придумывать новый.

— Значит, ты всего лишь сын правой руки великого хана, — вылезая из шатра полностью, медленно и по-взрослому вдумчиво проговорил я.

Автоматически приходилось действовать на контрасте. Он подпрыгивал от нетерпения, весь был как взъерошенный кот, дергаясь, не находя себе покоя при виде соперника. Только что спину не выгибал и не держал трубой хвост, а так сходство поразительное.

Я, наоборот, как умудренный жизнью старец, отвечать не торопился и говорил медленно, как бы рассуждая, спокойно, без эмоциональной окраски, даже несколько снисходительно.

— И ты пришел ругаться со мной, с левой рукой хана? Я правильно тебя понял, Тржын сын Карама?

Мой взгляд мог пронзить его насквозь, столь выразительно он показывал степень понимания мною его глупости. Статуи у входа не выдержали и фыркнули.

— Молодцы! — сказал я и в качестве поощрения за хорошую службу дал каждому по золотой короне и фиалу с зельем. Указывая на флаконы, добавил: — Даже если вам отрежут мужской символ вашей доблести, выпейте это зелье, и он снова отрастет.

Воины мгновенно спрятали золото и флаконы. А Тржын, пришедший в себя от моей отповеди, недоверчиво скривился.

— Если не верите, — обратился я к оркам, — можно проверить вон на нем. — И показал пальцем на сына правой руки. Тот в страхе отшатнулся и со слезами в голосе прокричал:

— Ты прячешься за свое положение! Трус!

Вот это ему не надо было говорить. Назвать орка трусом — это вызвать того на смертельный поединок. С другой стороны, я не орк и мне можно действовать по-другому. Я молча осмотрел противника с ног до головы, почесал задумчиво щеку. Все ждали моего ответа. Охрана с нескрываемым интересом, Тржын с вызовом.

— Давай сделаем так, — абсолютно спокойно сказал я. — Если я набью тебе морду, то эти гвардейцы отрежут тебе твое достоинство, если ты мне набьешь морду, они отрежут его мне. Главное, чтоб избитый был без сознания, заодно проверим эликсир. Сработает он или нет. Также выясним, кто из нас трус.

Я-то был спокоен, а мой визави побледнел и часто заморгал. А дальше он сказал правильную фразу, и я понял, что мой план может сработать.

— Вообще-то я не драться пришел, а выяснить кое-что. И это... я приношу извинения. Погорячился. Дам откуп, — потупился он.

Это хорошо, подумал я, парень не дурак. Только вспльчивый.

— А у меня вообще-то есть все, что нужно, и даже лишнее, и я готов с тобой это обсудить, — удовлетворенно ответил я в его манере. — Заходи. — И мотнул головой, указывая на шатер. Пропустил парня и зашел следом.

Твою дивизию, я совсем забыл о демоне, который лежал связанный на полу. Демон испуганно смотрел на нас, а молодой орк вытаращился на демона.

— Это кто? — наконец смог он выдавить из себя пару слов.

— Это мой ужин, — спокойно ответил я, — не обращай внимания.

Тот постоял, потоптался и вновь с трудом выдавил:

— Я, пожалуй, пойду, зайду попозже. — Было видно, что он полностью сбит с толку и уже не понимает, что происходит. Хуман стал левой рукой хана орков, в шатре у него съедобный демон. Тут кого хочешь попрет, не только молодого малоопытного орка.

— Подожди, — остановил его я. — У меня к тебе разговор есть.

Сын правой руки, не спуская глаз с демона, уселся на подушки, но, видимо, слушать меня не собирался, весь поглощенный созерцанием демона. А тот, услышав, что приготовлен к ужину, стал извиваться ужом.

Я похлопал парня по плечу:

— Хочу поговорить с тобой о Ленее.

Услышав имя девушки, тот мгновенно повернулся и наливыми кровью глазами уставился на меня.

— Ты ее любишь? — одновременно спросили мы друг друга.

«Да» и «нет» снова прозвучали одновременно. Да — сказал он, нет — сказал я.

Тржын радостно показал свои клыки, изобразив орочью улыбку, больше похожую на оскал кабана и волка одновременно.

— Я перед ней в долгу, — пояснил он. — Ленея спасла меня от плена.

— Ты хочешь на ней жениться? — спросил я. В моей душе стало наступать успокоение. Значит, я верно подметил, что спасенный парень будет по гроб жизни благодарен своей спасительнице.

Но, к моему удивлению, он помрачнел. Больше не обращая внимания на демона, насупив брови посмотрел на меня.

— Небесная невеста принадлежит тому, кого выберет Отец орков, — сказал он и со злостью врезал себе по колену кулаком. — Я буду сражаться за нее!

— Э-э-э, друг, не надо сражаться, я на Ленею никаких прав не предъявляю, я понимаю, что ты ей должен, и, как правильный мужик, должен жениться на девушке. Совет вам да любовь.

— Человек, ты не понял. Ленея приз, и ее получит тот, кто победит на состязании лучших воинов. За нее будут сражаться десятки бойцов, — снова почти со слезами в голосе проговорил сын Карама.

Что же он такой впечатлительный-то!

— Не понял, Тржын, поясни, что значит приз? — Я тоже был обескуражен поворотом событий. Весь мой план сосватать Ленею угодил коту под хвост.

— Когда рождаются смески и у них обнаруживается дар, как у Ленеи, девушку с детства готовят стать шаманкой. Других девушек шаманками не готовят, — пояснил он, увидев мой взгляд и расценив его по-своему. — Проводят обряд и определяют в небесные невесты. Считается, что раз у смески проявился дар, то это благоволение нашего Отца к ней. Ее окружают почетом и уважением. В год ее совершеннолетия на общем совете девушку определяют в качестве приза самому лучшему молодому воину.

— А сколько сейчас лет невесте? — перебил я его.

— Шестнадцать исполнилось. Так вот, отбираются в предварительных схватках тридцать бойцов, вот они сражаются за нее. Победителю достается небесная невеста и совершается воля Отца. Если бы ты забрал Ленею в качестве откупа, то она перестала бы быть призом, а я не смог бы за нее сражаться.

— А что, право откупа сильнее традиций? — Я что-то до конца не понимал их запутанные обычаи. Вот так можно подарить девушку и избавить ее от участи приза? Странно!

— Если девушку отдают в качестве откупа за свою жизнь, то считается, что воля Отца совершилась. Ее дед выкупал за нее свою жизнь. Мне так Ленея рассказала.

Я сидел как пыльным мешком прибитый. Так, выходит, Ленея просто хотела избежать участи приза, а я, не зная их обычаев, отказался от нее. Теперь понятна ее злость, она, можно сказать, была в шаге от свободы, которая ей так удачно подвернулась. Но не срослось. Все получилось в лучших традициях нашей огромной страны и ее жителей. Хотел как лучше, а получилось как всегда.

Орк ушел нацеленный на победу, а мне оставалось надеяться, что у него все получится. Но тут вмешался демон, до этого лежавший молча.

— У этого дурня ничего не выйдет, — неожиданно сказал он, чем вызвал мое искреннее удивление и взгляд, направлен-

ный на него, в котором можно было открыто прочитать сотни «почему».

— Он много о себе мечтает, — продолжил связанный демон. — В племенах много молодых воинов гораздо сильнее его.

Я подошел к осмелевшему демону, которого, казалось, больше не смущало положение пленника, он смешно потряс козлиной бороденкой и маленькими бусинками глаз посмотрел на меня.

— Рив, я могу быть полезен.

Такое положение дел, когда демон предлагал свои услуги, для меня было чем-то новым. Они обычно или пытались меня убить, или, когда этого сделать не удавалось, ударялись в бег. Этот бес поступил по-другому. И мне стало забавно.

— Интересное предложение, — ответил я. — И чем же? Сам полезешь в печь и зажаришься до румяной корочки?

Демон недовольно скорчил свою рожу.

— Я знаю обычаи орков, а ты нет, я могу стать твоим советником. На время. А ты потом отпустишь меня, когда справишься со всеми делами здесь, в стойбище. Мне хорошо известно положение дел в племенах, кто что хочет получить, кто кому враг, а кто друг, слабости вождей и шаманов. Как поймать их на крючок и прижать так, чтобы даже не пикнули и стали преданно служить, я знаю лучше всех, — похвастался он. — Кроме того, я помогу тебе с шаманкой. Ты же не хочешь, чтобы она досталась кровным врагам, но именно так и будет. Ты знаешь, какие мучения ей уготовлены? О-о-о... — Он закатил глаза, показывая глубину неприятностей, грозивших Лене.

Мне понадобилась вся моя выдержка, чтобы не попасться на его удочку, которую он закинул, возбуждая мое любопытство. Поэтому я не стал интересоваться, откуда у него такая осведомленность, а ответил с большим сомнением в его честности:

— Меня бабушка учила, что с чертями договариваться нельзя, вы все лжецы и обманщики. Наврете с три короба и поминай вас как звали. Не верю я тебе, черт.

— Я не черт, черти — хранители Сердца Хаоса, а я бес-прислужник, демон изменчивости. Моя задача — охранять врата и путь в преисподнюю. Но теперь я служу Кураме.

— А тут, у орков, ты что делаешь, да еще в обличье эльфа?

— Я тебе уже ответил, но ты, верно, не очень внимателен, рив. Я служу Кураме и выполняю его волю, а конкретно — соблазняю смертных стать последователями моего господина. А что до обличья эльфа, то я могу стать кем угодно, хоть орком, хоть варгом, я же демон изменчивости.

Он так спокойно и откровенно рассуждал о своей службе на поприще подрывной деятельности, что я диву давался. С чего бы это?

— И где теперь твой Курама? — Мне захотелось расспросить, кто же такой этот невидимый противник Рока, с посланцами которого я постоянно веду бой, стараясь разрушить их планы. У меня сложилось впечатление, что они везде, во всех расах разумных, во всех социальных слоях. Как метастазы, проникшие в ослабленную болезнью плоть и разъедающие ее медленно, но неуклонно.

— Курама спит, потеряв свое тело. Он переоценил свои силы и решил воспользоваться силой преисподней. Но он восстанавливается, и, поверь, скоро он явится во всем блеске своей славы, все, кто оставался ему предан, получают большую награду. Вот ты хочешь иметь богатство? Власть? Силу? Много женщин и рабов? — Он стал говорить возбужденно, проглатывая в спешке окончания слов, пытаясь донести до меня, какую великую в его понимании награду можно получить от службы его хозяину.

— Не хочу! — кратко ответил я. — Мне становится скучно, когда я тебя слушаю. Пока ты не предложил мне ничего ценного за свою свободу. Мне безразличны интриги орков. Я на них плевать хотел. Засунь свои знания себе знаешь куда? — Я с усмешкой смотрел на демона. — Да и то, что случится с шаманкой, меня мало волнует. Хочешь получить свободу — называй всех своих братьев, где, кто под чужими личинами живет. В Вангоре, в Вечном лесу, в империи. Явки, пароли, какие у них задачи.

Демон насупился.

— Я этого сказать не могу, у меня язык заколдован.

— Врешь ты все, — не поверил ему я.

Но тот молчал.

— Не хочешь говорить, не надо, узнаю по-другому.

По шву распорол его одежду, так как уже знал, разрезать ее или порвать практически невозможно. Потом стал готовиться к ритуалу кровной связи. Что из этого получится, я не знал, но

решил поэкспериментировать. Кровь, она и есть кровь, что у меня, что у него — красная.

Демон изменчивости забеспокоился.

— Рив, ты что хочешь сделать? Это же магия крови. — Он перешел на драматический шепот. — Она же под запретом!

— У нас есть поговорка, — ответил ему я, — с волками жить — по-волчьи выть. У меня схожая с вашей, демонов, жизненная позиция — для достижения цели все средства хороши. Разница лишь в том, что цели у нас разные, вы сеете зло и смерть. Я смертью очищаю от вас землю, чтобы она продолжала жить дальше.

— Рив, ты же понимаешь, что людишки и все смертные просто никчемный мусор. Мы не сеем смерть и зло, мы забираем свое — гнилые продажные душонки и очищаем землю от них. Да, мы сеем соблазны, но так отбираем ненужных и слабых. Их души становятся топливом для Сердца Хаоса, а Сердце дает жизнь всему. Такова воля нашего Создателя — Отца всех живущих.

Он говорил убедительно, и я чуть было ему не поверил. Меня остановила Шиза:

— Он врет!

— Твой отец — отец лжи, и его волю вы выполняете, не волю Творца, — вспомнил я поучения бабушки. А потом уже, не слушая его, провел ритуал подчинения из магии крови.

Демон закатил глаза и стал пускать пузыри, вроде бы вот-вот умрет.

— Притворяется, — сообщила Шиза.

Я стал развязывать завязку на штанах и делал вид, что хочу на демона помочиться. Демон, играющий спектакль одного актера под названием «Вот сейчас я умру», как-то сразу ожил.

— Не надо на меня мочиться, — сказал он. — Я должен был попробовать тебя обмануть или соблазнить. Теперь понимаю, что не получилось. Ты крепкий орешек с сильной волей. Давай сделаем так: я буду тебе служить, а когда ты захочешь, то меня отпустишь.

Я с сомнением посмотрел на него:

— Не понимаю, чем ты можешь быть полезен?

— Вечером на совете ты это узнаешь. Развяжи меня, можешь оставить только ошейник, он не дает послушаться тебя. А чтобы ты не сомневался, задавай свои вопросы, отвечу честно, — сказал он.

Скрав

Алеш шел строго с юга на север, туда его вела сила интуиции, отметававшая всякие сомнения и посторонние мысли, мешающие ему в пути. Шел он обычным полевым маршем, две сотни парных шагов бегом, сотня парных шагов шагом. Он так двигался без остановки уже несколько часов. Местность была пустынной, без растительности и признаков живых существ. Но чем дальше он удалялся от стоянки десантников, тем сильнее изменялся ландшафт. Холмы исчезли, стали появляться наезженные дороги, и было видно, что эта местность обжита. К вечеру показался поселок или маленький городок, обнесенный невысокой каменной стеной. У ворот сидел страж. Он глянул на Прокса и равнодушно отвернулся.

— Тут есть постоянный двор? — спросил у него Алеш и для лучшего понимания вопроса кинул стражнику серебряк.

— Проходи прямо, увидишь длинный дом, это и есть постоянный двор. — Стражник ловко на лету подхватил монету, попробовал на зуб и потерял к Проксу всякий интерес.

Постоялый двор он обнаружил сразу, не пройдя и полквартала. Все домики были сложены из грубо обработанных камней и покрыты глиняной черепицей. Все было серым и однообразным. Его провожала стайка ребятишек — вперемешку демонят и человеческих детей, — с интересом рассматривая хумана, но держась на почтительном расстоянии, не приближаясь к нему. Какой-то агрессии с их стороны он не чувствовал.

В небольшом зале постоялого двора сидели за столами приезжие и местные жители. Демоны, дворфы и даже люди. Местных можно было узнать по однообразной и тоже серой одежде. Весь поселок был пропитан этой серостью, и казалось, что и воздух тут тоже серый и пропыленный.

За стойкой сидел хозяин дворфа и внимательно смотрел на нового посетителя. Дождавшись, когда тот подойдет, вежливо спросил:

— Что угодно вашей милости?

Взгляды сидевших за столами тоже были прикованы к вошедшему.

Чувствуя на себе такое внимание, Прокс был насторожен. Страха не было, была сосредоточенность и собранность. Он оглядел внимательно зал, запоминая расположение каждого,

оценил степень угрозы и расслабился. Его боялись. Боялись все.

— Мне нужна информация, еда и постель, — сказал он, обернувшись к дворфу.

— За постель пять серебряков на круг, еда за отдельную плату. Информация тоже.

Алеш выложил золотой, который тут же исчез с прилавка.

— Я знаю, что вам нужно, — сразу сказал хозяин. — Вы пришли с юга и вышли из лабиринта, став скравом. Хотя до вас я хуманов не видел, были одни только демоны. Этот поселок основан скравами, и они тут хозяева. Вам предстоит доказать свое право в поединках. Так что будьте готовы к этому. Дальше на юг будет портал, он ведет прямо в Брисвиль, но, используя камень скрава, можно отправиться порталом в любое место, где вы уже были, надо только пожелать. Еще вы можете купить здесь дом и вступить после испытания в Гильдию героев. Тогда вам будут давать высокооплачиваемые заказы. Десять процентов забирает гильдия. Вот в общем-то и вся информация. — Проговорив все это скороговоркой, дворф перешел к другой теме: — Что будете заказывать из еды? Есть мясо, овощи, супы, вино. — Дворф вежливо посмотрел на Алеша.

— Похлебку, мясо и тушеные овощи, — сделал заказ Прокс и пошел к пустующему столу.

Он доедал свой суп, когда за его стол уселся здоровенный демон, он быстро окинул взглядом Прокса, признал в нем почти своего и спросил:

— Какие двери проходил?

Прокс тоже глянул на демона и увидел ауру, какую не замечал на других. У демона она была красная.

— Правые, — не стал обманывать Алеш, — что для смелых.

— И что там? — с интересом спросил демон. — Из наших никто не проходил этим путем. Всегда «мясо» с собой брали.

Он говорил доверительно, по-свойски, без всякой вражды или зависти. Наверное, считал, что все равно какие двери прошел соискатель, их объединяло то, что они принадлежат одной корпорации. По своему опыту Алеш знал, как сильны корпоративные связи закрытых сообществ. Не важно, что они работают в разных ведомствах и даже конкуренты друг другу. Главное тут то, что дух общности пройденного пути их объединяет и сводит в квазибратства.

— Скрытые переходы, ментальное воздействие, пропасти над лавой и ловушки, установленные Курамой. Были еще кикиморы, но я их убил.

— Да, наш господин, везде отметился, — засмеялся демон. — Не любит он конкурентов. Ты ауру свою видел? — неожиданно спросил он Прокса и с интересом уставился на него.

— Нет, не видел, вижу только твою, красную. — Прокса тоже заинтересовал этот момент: какая же аура теперь у него?

— У тебя она полная, красно-золотая, — ответил демон. — Ладно, я пошел. Тебе передаю слова главы гильдии: «Ждем утром во дворе гильдии на испытание». — Скрав поднялся и вышел.

Доедая мясо и запивая красным вином, Алеш начинал понимать, что значит аура для героя. Эти знания поднимались изнутри, из глубин подсознания, и обретали четкость мысли в его голове. Такого раньше не было. Значит, это был не просто сложный путь на свободу, а путь через источник знаний, определенный самим Творцом. Его красно-золотая аура была знаком полного героя, а красная — знаком героя, прошедшего половину пути. Еще он понимал, что минимум вдвое сильнее любого служителя культа Курамы.

Глава гильдии, носящей гордое название Гильдия героев, сидел в раздумьях и хмурился. Рядом сидели члены совета и тоже молчали. Впервые они столкнулись с тем, что лабиринт был пройден полностью, и прошел его простой хуман. Но в то же время, видно, не самый простой, раз смог пройти путь, которым уже тысячу лет никто не ходил.

Очень опасный золотой скрав, подрывающий саму основу существования красных скравов.

— Этого пришельца необходимо убить, — наконец проговорил глава гильдии. — Скравы могучи, но не бессмертны. Это показала гибель нашей пятерки в Азанаре. Я жду ваших предложений, завтра на испытании скрав должен умереть, а мы объявим, что он самозванец, и поставим вне закона любого, кто придет с золотой аурой. Его существование бросает тень на нас, и каждый демон будет тыкать в нас пальцем и утверждать, что мы половинки. Вы понимаете, чем это грозит? Наш ореол развенчают. Нас покроют позором. — Он посмотрел на сидящих.

— Может, воззвать к Кураме и принести его в жертву? — предложил один из присутствующих.

— Можно попробовать, — согласно кивнул глава. — Последнее время наш повелитель стал отвечать на наши жертвоприношения. Чего не было много лет до этого. Значит, он просыпается. Но надо учитывать, что этот скрав может быть вдвое быстрее и сильнее любого из нас. Думайте еще.

— Я предлагаю устроить поединок не на площади, а в зале, — медленно, как бы размышляя вслух, стал говорить пожилой демон. — Заманить его под провал и привести в действие ловушку. Он упадет в подземные казематы и сдохнет с голоду. Когда он ослабнет, можно попробовать принести его в жертву. Но вы знаете, что мы все чувствуем неприязнь и враждебность других. Он тоже это может чувствовать. Поэтому нас там не должно быть. Надо назначить исполнителей, которые не знают ничего из нашего замысла. Так мы усыпим его бдительность.

Старый демон замолчал, а все остальные стали сосредоточенно обдумывать его предложение.

— Это может сработать, — подумав над словами умудренного старого скрава, согласно кивнул глава, — вот только в подземелья нам ходу нет, и принести золотого скрава в жертву нашему повелителю не получится. Первые скравы построили замок над древним могильником. Но в остальном план хорош. Конечно, можно послать его сразу в подземелье для испытания. Но тогда возникнут вопросы у остальных братьев. Скажут, что мы нарушили традицию. А так просто несчастный случай, найдем что сказать.

Все согласно покивали головой.

Утром, хорошо отдохнув, Алеш подходил к воротам крепости, стены которой были сложены из все того же серого камня. В воротах его встречал улыбающийся демон, что приходил прошлым вечером на постоянный двор.

— Заходи, брат, — почти дружелюбно позвал он его. — Тебя уже ждем.

Они пересекли большой двор и вошли в невысокую, но широкую башню. Вдоль стен стояли с десятков демонов и с неприкрытым интересом смотрели на Алеша.

— Здесь твои соперники, — сказал встречающий, — к сожалению, сам глава и совет убыли по каким-то срочным де-

лам, и мне поручено провести испытание. Бой не до смерти, ты должен или продержаться в бою десять ридок, или победить противника, обезоружив или ранив его. Понятно?

— Понятно. Пусть выходит любой, — ответил Алеш.

— Ну тогда иди на середину, а мы посоветуемся, какого бойца выставить против золотого скрава, — снова улыбнулся демон.

Прокс вышел на середину зала и спокойно встал. Неожиданно пол под ним провалился, и он, не успев ничего сделать, рухнул вниз. В полете его тело извернулось и упало слегка набок, оно как бы само, без вмешательства с его стороны, знало, как поступать. Сильно ударившись о каменный пол, Алеш на время потерял сознание. Но пролежал он недолго. Сознание вернулось рывком, вытащив его из темноты, и наполнило тело болью. Правая рука, на которую он упал, смягчая падение, была сломана в запястье, из носа текла кровь, и правый глаз стал заплывать. Он хорошо приложился головой об пол.

Прокс лежал не двигаясь, давая возможность нейросети определить повреждения, аптечка добывала свой ресурс, устраняя повреждения, и последние крохи лекарств тратила на лечение руки. Видимо, высота, с которой падал Алеш, была большой, иначе он просто бы отделался ушибами. Но состояние собственного здоровья Алеша не беспокоило, в рюкзаке у него был запас зелий, и хорошо, что он не успел его снять. Его беспокоило другое. Куда он попал и есть ли выход отсюда? Он понимал, что снова угодил в хитро расставленную ловушку. Его обманом заманили и сбросили в подземелье. Если отсюда нет выхода, он сгниет тут заживо.

Он не тратил силы на бесполезный крик, его все равно никто не услышит, но даже если и услышат, на помощь не придут, дыра в полу зала уже закрылась.

Красные, понимая, что могут потерять свой авторитет, пошли на предательство своих. Своих ли, пришла ему мысль, они служат своему богу и выполняют его волю. А кому служит Прокс? Року? А где он, этот бог, забывший своих последователей? Он лежал, исцеляясь, и обдумывал свое положение. Сканер показывал, что подземелье обширное, с множеством коридоров и помещений. На сканере не было видно живых существ или врагов, отмеченных красным маркером. Кругом было запускание и тишина, прерываемая его хрипловатым дыханием.

Как-то плавно мысли перешли к пониманию того, что он так и не удосужился наполнить энергией броню, и, чтобы не терять понапрасну время, Алеш стал передавать понемногу энергии в кирасу и поножи. Шлем от бронекостюма он не выбросил, положил в рюкзак, который, обобрав мумии, собрала ему предусмотрительная Крома, сейчас его надо достать. Если бы он был более осмотрителен и сделал это заранее, то избежал бы травмы головы.

Расслабился после лабиринта, подумал, что его неприятности уже закончились. Оказывается, нет. Он забыл, что здесь постоянно нужно держаться настороже. Новые чувства. Радость от обретения любимого человека, пусть не человека, а эльфарки, дриады, вскружила ему голову. Он продолжал лежать, стараясь не осуждать себя за легкомысленность, прокручивал в голове новые поведенческие установки для нейросети. Совершенно секретная технология АДа. Она позволяла выработать нужные рефлексы и правильные реакции организма, освобождая мозг для другой, более продуктивной работы.

Через час он встал. Надел шлем и стал разбираться в свойствах новой брони. На кирасе было наложено странное заклинание — «истинный свет», но что оно означало, Алеш не знал, его память, куда были заложены сотни терабайт информации, не смогла ему помочь. А вот поножи порадовали. «Поножи левитации». С ними можно подняться к потолку и попробовать пробиться наверх или пройти над пропастью. Он даже пожалел, что таких поножей у него не было раньше. Алеш стал доставать амулеты и кольца, которые собрала Крома и насильно впихнула ему. На всякий случай. Теперь этот случай настал.

На пальцы он надел кольца огненного шара, «небесного молота» и оцепенения, подумал и надел еще кольцо безмолвия. На шею под кирасу нацепил амулет щита второго уровня — может неплохо защитить от первой внезапной атаки. Перевел шлем на ночное видение и огляделся. Прямо под ним были разбросаны кости, видно, такой ловушкой пользовались не раз. Кругом лежали предметы снаряжения и поржавевшее оружие, было его достаточно много. Это говорило о том, что свой путь тут закончили многие, кто сразу разбился, кто переломал руки-ноги при падении. Он взглянул вверх — от низкого потолка уходил метров на десять колодец из камней. Вот от туда он и свалился.

Пудобнее пристроив заплечный мешок из кожи, Алеш направился в единственный коридор, который был выходом из этого помещения.

Ставка

Опыт общения с демоническими сущностями дал мне основания утверждать, что эти существа напрочь лишены такого свойства, присущего всем разумным, как совесть. Наш внутренний судья, говорящий, что хорошо, что плохо. Для них не существовали понятия правды и лжи. Они мешали правду с обманом, запутывая в свои сети любого, кто им поверил. Если демону выгодно сказать правду, он скажет ее. А потом сто раз обманет. По крайней мере, так считал я. Демоны преисподней ненавидят всех обитающих наверху, они живут и дышат своими обманами, которые облакают в правильные слова. Как горькую конфету заворачивают в красивую обертку, скрывая ее истинное содержание за внешней безупречной формой. Придумывая ложные истины, демоны стараются внедрить их в сознание разумных, меня полюсами привычные нам понятия: если мы считаем что-то плохим, они будут утверждать, что нет, неправда, это хорошее, и подведут под обман свои обоснования. Как, например, он пытался обмануть меня, что они такие благородные санитары, очищающие род разумных от пороков. Такие вот измышления попадают на благодатную почву завистников, сребролюбцев, властолюбцев и просто слабых, дают свои всходы, увеличивая число демонопоклонников. Поверить демону на слово, значит перестать уважать себя. Поэтому я решил ритуал подчинения демона довести до конца и посмотреть, что же из этого получится.

Демон, на которого стала капать моя кровь, принялся орать от боли и ужаса, и мне пришлось наложить на него безмолвие, чтобы он не собрал своими криками всех орков в округе. Моя кровь на его груди вспыхнула не красным, а каким-то золотистым огнем, обжигая и заставляя посланца преисподней корчиться и открывать рот в немом крике. Его так трясло, что, казалось, сейчас разорвет на части.

На крики заглянул часовой и увидел меня стоящим на коленях, с ножом, занесенным над демоном, грудь которого ярко пылала. Он вытаращил глаза и застыл с открытым ртом. Чтобы как-то объяснить происходящее, я кровожадно облизнулся и спросил часового:

— Демон скоро поджарится. Есть будешь?

Орк еще сильнее округлил глаза, хотя, казалось бы, куда уж больше. Замотал отрицательно головой и сразу же скрылся. Теперь репутация мне обеспечена. Вот только хорошо это или плохо, покажет время.

— Тебя как зовут, рогатый? — спросил я демона, проверяя результат проведенного ритуала. — Только говори правду.

— Мардаиб, мой сахгиб. — Подчиненный магией демон корчился, стонал, его буквально всего выворачивало от необходимости говорить правду. Он говорил медленно, с трудом. Дышал тяжело и с хрипом, но отвечал, не в силах сопротивляться заклинанию. Слово «сахгиб», которое он произнес, обращаясь ко мне, по-видимому, означало «господин».

— Откуда ты? — Я продолжил допрос.

— Из клана демонов изменений, сахгиб.

— Где обитает этот клан?

— Мы прислужники в преисподней.

— А Кураме почему служите? — Я задавал вопросы быстро и также без раздумий, хотя демон с трудом отвечал.

— Курама обещал нас возвысить, дать власть и рабов, если мы будем служить ему, а не Творцу. Наш клан и клан прислужников пожирателей согласились.

Мне не было жалко это отродье, сидел бы у себя в чистилище и занимался своим делом, так нет, вылез. Рабов захотел и власти.

Больше допросить его мне не удалось, за стенами шатра раздался голос Ленеи:

— Я от верховного вождя, к левой руке с поручением.

Не зная, куда спрятать демона, я огляделся, махнул рукой и отправил его в сумку, в пространственный карман. До этого такой способ переноски живых существ я еще не пробовал, но и прятать демона в шатре тоже было негде. Демон исчез, не успев пикнуть, а я уселся на подушки.

— К нему нельзя, он там демона поджаривает и скоро будет есть, — ответил громким шепотом часовой.

Ну вот, как я и предполагал, слухи начали распространяться. Болтун — находка для шпиона, с легким раздражением подумал я и крикнул:

— Пропустите посланника!

Ленея вошла, внимательно огляделась и, не говоря ни слова, уселась напротив. Она изучала мое лицо, как будто хотела

найти ответы на свои вопросы, а может быть, желая понять, я это или кто-то другой прячется под моей личиной.

— Привет, сестренка! — изобразил я радость от встречи и закинул пробный шар — в каких мы с ней теперь отношениях?

Девушка прикусила нижнюю губу, глаза ее вспыхнули и погасли.

— Ты мне не брат, хуман, — с трудом проговорила она. — Ты лжец и обманщик, как и твой снежный эльфяр.

— Здравсте! — Я возмущенно слегка поклонился. С чего бы это такое начало? Я что, украл у нее что-то, лишил невинности, поматросил и бросил? Причем слова «лжец» и «обманщик» имеют одно и то же значение и, повторенные в связке, на мой взгляд, вообще лишены смысла. Хотя, с другой стороны, у женщин свое мироощущение. Мне так до конца непонятное и, скорее всего, для меня, «солдафона», непостижимое.

Я сурово нахмурил брови, сузил глаза, чтобы показать ей свое недовольство, и спросил:

— Ленея, к чему эти слова? Я тебя не обманывал. За Градила говорить не буду, не видел его давно. К тому же я рад тебя видеть живой и здоровой.

Она поморщилась, как будто прожевала что-то отвратительное на вкус, и сбила мой настрой. Мне пришлось замолчать, так как я не знал, что еще можно сказать в сложившейся ситуации. Неожиданно я почувствовал себя виноватым. Орчанка просто размазывала меня своим взглядом, обвиняя непонятно в чем, а мне захотелось срочно оправдаться. Нелепая ситуация, порождающая неуверенность. И хотя вины за мной, по моему определению, не было, я почувствовал себя почти мерзавцем. Это чувство было настолько неправильным и противным, что вместо оправдания я возмущенно перешел в наступление.

— Скажи прямо, чего ты хочешь?

Она встала и с выступившими на глазах слезами ответила:

— Уже ничего, чурбан! — И пошла на выход.

Я остался сидеть, огоршенный ее словами, глядя ей вслед.

— А приходила зачем? — крикнул вдогонку.

— Иди к вождю, — не оборачиваясь, ответила девушка и вышла.

Вот же блин, умеют бабы испортить настроение, вроде и не сделал ничего плохого, и сказано мало — лжец, обманщик и чурбан, а ощущение после разговора с Ленеей такое, как будто

совершил нечто ужасное, чему нет оправдания. Как будто меня окружили незримые судьи и вынесли приговор: негодяй и подлец! Виновен! Настроение было испорчено, и, злясь, я направился к шатру вождя.

Охрана меня пропустила беспрепятственно, заходить спиной не стал, смело вошел в шатер, прошел к своему месту и, не давая хану возможности прочитать мне нотацию, строго на него посмотрел. Посмотрел так, словно он виноват, пусть тоже прочувствует.

— Язык покажи! — Посмотрел на розовую лопату в пасти орка и сказал: — Хватит жрать мясо. Трик есть только лепешки, пить гайрат и еще можно овощи.

К чему я это сказал? Первое, это месть за левую руку, за то, что он выставил меня на растерзание, второе, это продолжение усиления своего влияния на хана, а в-третьих, я срывал на нем свое раздражение, и это было главным. Налил в ложку эликсир и дал выпить.

— Ты чего такой злой? — посмотрел на меня правая рука.

— Так это он, наверное, с Ленеей встретился, — покосился на меня великий хан, — а она, по-видимому, сиську пососать не дала.

— Правильно сделала, — решительно высказал свое мнение Быр Карам, — нечего было от откупа отказываться. Ему такой подарок сделали, а он... «Мне не надо откупа!» — очень похоже передразнил меня Карам.

Дед шаман все это время молчал, как будто это не касалось его внучки.

Неожиданно проявился демон, который стал мне нашептывать:

— Скажи, что ты не хотел, чтобы тебя обвинили молодые орки, что девушку получил не по заслугам. Что будешь сражаться за нее, как и все.

— Ты с ума сошел, зачем мне за нее сражаться? — Я был ошарашен таким предложением.

— Если ты это не сделаешь, тебя отвергнут Гремучие Змеи, только ты сможешь сражаться за нее из рода, да еще сынок правой руки. Ее дед этого ждет. Если ты это сделаешь, он будет тебе помогать во всем. А не сделаешь, станешь врагом на всю жизнь.

— Он говорит правду, — подтвердила Шиза.